

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 12

май

2017

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

Фото Татьяны Лапко

Владимир Юринов

А музы не молчат

... Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шёл великий,
Что один у всей страны;
Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки...

Деревня Борки. Великолукский район. Псковская область. Рядовой, совершенно неприметный населённый пункт, который и сейчас с трудом отыщешь на карте. А в 1942-м, в «год великого перелома», в год тяжелейших сражений, когда солдатская кровь рекой лилась под Харьковом и Ржевом, под Сталинградом и Новороссийском, малый её ручеёк, впитавшийся в псковскую землю у глухой лесной деревушки, от которой-то и «осталось ровным счётом обгорелых три трубы», и вовсе, казалось, должен был затеряться, стинуть без следа. Но не затерялся и не сгинул. А гением Александра Твардовского шагнул в вечность как собирательный образ всех малых, но от этого не менее значимых, эпизодов Великой войны.

... А под теми под Борками
Каждый камень, каждый кол

На три жизни вдался в память
Нам с солдатом-земляком...
Три жизни, три поколения...
4 мая 2017 года в Борках в очередной раз собрались не только дети, но уже и внуки, и правнуки тех, кто когда-то защищал мир от коричневой фашистской чумы. Собрались, чтобы почтить их память высоким поэтическим словом.

В тридцать третий раз прошёл на великолукской земле традиционный ежегодный Праздник фронтовой поэзии «А музы не молчат», собравший в Борках любителей поэтического слова из мест близких и отдалённых: из Москвы и Пскова, из Невеля и Себежа, из Великих Лук и Твери. В тридцать третий раз над живописнейшими окрестными лесами и озёрами, навсегда сохранившими в себе следы и шрамы минувших боёв, звучали стихи и песни военных лет, произведения современных поэтов на военную тему. И в тридцать третий раз в одном строю с поэтами нынешними стоял бессмертный полк поэтов-фронтовиков, поэтов, «к штыку приравнявших перо».

Наряду со стихами Константина Симонова и Бориса Самойлова, Бориса Слуцкого и Семёна Гудзенко, Юлии Друниной и Николая Старшинова, Марка

Лисянского и Эдуарда Асадова звучала в этот майский день над Борками поэзия Александра Казакова (Псков), Александра Рябихина, Юрия Ишкова, Татьяны Лапко, Андрея Канавщикова, Татьяны Дроздовой, Светланы Размыслович (Великие Луки), Владимира Львова, Ивана Демидова, Виктора Бабковского (Тверь), Владимира Юринова (Андреаполь), Алексея Бордакова (Борки).

Как всегда, неординарно и увлекательно, на высокой патриотической ноте вёл творческую программу неустанный вдохновитель и один из создателей Праздника фронтовой поэзии, писатель, литературовед, член Правления Союза писателей России, член Президентского Совета по культуре Валентин Яковлевич Курбатов.

Стихи «Бессмертного полка русской поэзии» читали молодые артисты Великолукского драматического театра. Задушевно и пронзительно звучали фронтовые песни в исполнении известной певицы, актрисы театра и кино Ирины Шведовой (Москва).

А благодарными слушателями стали местные жители, многочисленные гости праздника, а также сотни школьников, специально съехавшихся в Борки из близлежащих городов и весей. И по заинтересованным лицам ребят, по их горящим глазам было видно, что звучащие со сцены стихи не пропадают даром, что они не уходят бесследно в качающиеся над концертной площадкой высокие сосновые кроны, что кровотокающая, дышащая болью и страданием, пахнущая гарью и порохом фронтовая поэзия западает в юные души, волнует и тревожит молодые сердца. И становилось понятным, что «Борковский плацдарм» не забыт, что связь поколений неразрывна, что на смену выбывшим из строя поэтам-ветеранам неизбежно придут молодые, которые продолжат дело своих дедов и прадедов, чтобы и через три, и через тридцать три года музы не молчали, чтоб строка рождала строку, чтоб звучали над борковскими лесами и озёрами честные и чистые пронзительные стихи. Как натянутая звенящая струной людская память. Как символ высочайшей духовности, несгибаемой воли и стойкости русского народа.

Иван Кирпичев

г. Нелидово

Иван Кирпичёв родился в 1968 году в г. Нелидово. Член Союза журналистов России. Профессиональный кузнец, мастер по изготовлению булатной стали. Автор двух опубликованных стихотворных сборников и романа-фэнтези в трёх частях. Официальный составитель двух опубликованных конкурсных сборников поэзии.

* * *

Стремительно сорвался с места год –
Прошло уже и Рождество и Святки...
И дымок боль в груди – любви остатки.
Снега, мороз, тропинка от ворот.
Зачем-то сердце в глубине хранит
Стихов ненужных мелкие обрывки,
А наши чувства, как туманы, зыбки,
Но в то же время крепки, как гранит.
Законы Божьи для людей просты,
Но жизнь течет от битвы и до битвы,
Как камни четок в час пустой молитвы,
Перебираем глупые мечты.
Стремительно сорвался с места год –
И белые снега уже темнеют,
Мечты пусты, но все же душу греют...
Напились бы, да водка не берет.

* * *

На золоте восхода нет клейма –
Не ставится на небе Богом проба.
Богатым тоже может быть до гроба
И тот, кому судьбой дана сума.

Считать своим заоблачный простор,
Пытаться звезды доставать рукою.
Ведь как-то трудно жить с пустой душою,
Хоть говорят, что бедность не позор.

Не оставляя встречи на потом
Спешит рассвет, чтоб повидаться с нами,
А мир лежит укрытый облаками,
Как саваном, уснувший вечным сном.

Не дремлет случай на своем посту,
Он иногда за так дает надежду.
Рождение и смерть, а где-то между
Пытаемся хранить свою мечту...

* * *

Все богатство – горсть монет:
Мелочь с пылью пополам.
Накопил за много лет
По дороге в Божий храм.

Где-то очень далеко
Ждет меня судьба моя.
Но добраться нелегко,
Нет дороги в те края.

Пропоет кукушка ложь –
Вряд ли верен этот счет.
Если долго что-то ждешь,
Время медленно течет.

На глазах стареет друг –
Был недавно молодой.
И бушует жизнь вокруг,
Только не для нас с тобой.

ТОРОПА

Пусть не Волга, не Енисей,
Ей хватает своих красот.
Чтоб ни думали мы о ней,
А Торопа себе течет.
За сезоном идет сезон:
Пыль июля, январский лед.
Крик младенца, последний стон,
А Торопа себе течет.
Жизнь не поле и не большак,
То стремнина, то поворот.
То дубрава, а то ивняк,
А Торопа себе течет.
Приходилось не раз встречать
Молодым у реки восход.
Много помнит речная гладь,
А Торопа себе течет.
Купола вековых церквей
Молча смотрят в пучину вод.
Мы теряем своих друзей,
А Торопа себе течет.
Белой чайки надрывный крик.
Пролетает за годом год.
От рожденья до смерти – миг,
А Торопа себе течет.

* * *

Шарлатан, ученик неизвестных богов,
Чтоб улыбку твою заработать взамен,
Я на белую кожу бумажных листков
Нанюшу строчки синих извилистых вен.

Я в конверт для тебя свои чувства вложу,
Оживляя словами бумажную плоть.
Неподвластен огню, неподвластен ножу
Моей черствой души непечатный ломоть.

Недочка, невежда, но всё же творец,
В эти строчки вдохнувший живое тепло,
То ли маленький лгун, то ли маленький
лжец,
Я пишу, чтоб любовью тебя обожгло.

Я прошу, ты письмо в рыхлый снег не
бросай,
Ты сначала, что прислано в нем погляди.
Посмотри, как дрожит у листка тонкий

край...
Это сердце мое так трепещет в груди.

* * *

Не поет соловьем черный дрозд.
Жарко даже в тени летним днём.
Не удержит из радуги мост.
Не умыться под звездным дождём.

Не накормит молочный туман.
Не слетать с журавлями на юг.
Зачастую удача – обман.
Не всегда верен преданный друг.

Никуда не ведет Млечный Путь.
Непродажны росы жемчуга.
Хоть любимых порой не вернуть,
Только жизнь всё равно дорога.

* * *

Весенний дождь пройдёт, добьёт снега.
Сотрёт своей прозрачною рукой.
И чёткий отпечаток сапога
Зальёт по край холодную водой.

До берегов наполнится овраг.
Весну встречая, вдоль него пройду.
Я для тебя теперь не друг, не враг.
На счастье, а быть может, на беду.

Недалеко до теплых дней уже.
С ручьем на север щепка держит путь.
Смотри, не поскользись в чужой душе,
Когда в неё захочешь заглянуть.

Вновь зацветёт весенний первоцвет.
С теплом уйдёт сезонная печаль.
Вода размочит у оврага след...
Но прошлого ещё немного жаль.

* * *

На маковке у церкви нет креста –
Давно заброшен этот Божий храм.
Из брешей в стенах смотрит пустота,
И сквозняки поют молитвы там.

Давно забыт здесь колокольный звон.
Здесь лишь весной вода звенит в ручьях.
И полчища непуганых ворон
Добычу караулят на полях.

Как жаль, что нет во времени щелей,
И в прошлое сквозь них не заглянуть.
И не исправить промелькнувших дней,
И ничего, что было, не вернуть.

Рождается с зарей и гаснет свет.
Мы затеряемся в бегущих временах.
Креста давно на этой церкви нет,
Но почему-то слёзы на глазах.

* * *

Моя милая, ты нанеси мне визит.
Я тебе покажу, как огнями горит
Голубой небосвод в эту летнюю ночь.
Только можешь ты мне хоть немного
помочь?
Чтобы нам не свернуть и не сбиться с пути,
Свою яркую страсть мне сюда принести?
И тогда будем мять травяной малахит.
И в какой-то момент крик твой в небо
взлетит.
А потом ты поспи, а я в ночь посмотрю,
Буду сон твой беречь, после встретим зарю.

Ольга Алексеева

ПОДЕЛКА

– А раньше ты сказать не мог? – мама взбывала подушку. Щёки у неё покраснелись.

Она положила подушку на кровать и продолжила отчитывать Максима.

– На часы смотрел? Спать когда теперь будем? И почему в дневнике этого задания не было?

– Мамочка, мам, – Максимка обхватил мамини колени, – ну, не сердись. Мы быстро сделаем. Давай, ерунду какую-нибудь.

– Ерунду, говоришь? Нельзя так, сын. Если и делать, то делать по-настоящему. Повтори, какое задание на завтра.

Максимка схватил листок бумаги и прочитал: «Скоро День птиц. Каждый ученик должен принести поделку – птицу. Поделка может быть выполнена из любого материала».

– И какой материал у нас есть? – задумалась мама.

– Вот, – мальчик вывалил на стол всякую всячину, которую он собирал в старый школьный ранец. Здесь были еловые шишки, жёлуди, засохший мох, несколько каштанов и кусок пеньковой верёвки.

Мама внимательно смотрела на это богатство. А Максимка любовался мамой. Он знал, что она у него самая лучшая на свете! Сколько удивительных игрушек они уже сделали с мамой! Сколько рисунков и аппликаций. А ещё мама умеет вязать. Она связала даже Фиксиков. И мальчик знал, что сейчас мама обязательно что-нибудь придумает, и завтра он отнесёт птицу в школу. На выставку.

– Принеси клей, – задумчиво сказала мама, разглядывая шишку. Потом она взяла в руки верёвку.

Максим принёс клей.

– Смотри! – мама взяла клей, капнула на шишку и начала обматывать шишку пеньковым шпагатом. – А теперь сам.

Мальчик старательно накручивал верёвочку. Потом мама взяла шишку у Максима, немного разъединила накрученные нити и выпустила наружу чешуйки.

– Вот тут мы сделаем крылышки, – сказала мама.

Прошло совсем немного времени, и на столе появился настоящий птенчик. Крылышки ему мальчик сделал из красивых лоскутков. Клювик – из веточки. Всё было хорошо. Оставалось прикрепить глазки.

– Вот если бы ты сказал заранее, я успела бы заскочить в магазин для рукоделия и купить глазки для кукол. Они прекрасно подошли бы нашему птенцу. А теперь ума не приложу, из чего сделать глаза.

– Может, из пластилина? – спросил мальчик.

– Нет. Это же не пластилиновая ворона,

– мама внимательно рассматривала поделку. – Когда я училась в школе, мы делали глаза из пуговиц. Но сейчас не то время. Сходи, открой кладовку. Там лежит пакет со старыми мягкими игрушками. Принеси какого-нибудь зайца или мишку. Мы его глазки приделаем птенцу.

Максимка открыл кладовку и достал большой пакет. В пакете лежали игрушки. Мальчик достал зайца. Заяц был потрёпанный, с оторванным ухом, и у него были красивые блестящие глаза. Максим вздрогнул. Неожиданно ему показалось, что заяц моргнул своими красивыми глазами. Мальчик вдруг вспомнил рассказ, который читал в школе. В том рассказе вместо боксёрской груши мама предложила использовать плюшевого медведя. Медвежонка, которого герой рассказа кормил кашей и укладывал спать. Но это всего лишь рассказ. А здесь, сейчас, Максимке нужно было оторвать у любимой игрушки глаза. И пришить эти глаза поделке, которую мальчик с мамой старательно готовили к школьной выставке. Максим прижал зайца к груди. От него пахло кладовкой и сушёными яблоками. Мальчик вспомнил, как нашёл этого зайца под ёлкой. Новогодняя ёлка переливалась разноцветными огнями, а под еловыми лапами сидел заяц с голубым бантом на шее. Мальчик очень полюбил эту игрушку. Заяц всегда был рядом. На кровати, на кресле, на полу рядом с машинками. А когда поехали на море, зайца тоже взяли с собой. И вот сейчас этот потрёпанный заяц с почти оторванным ухом смотрел блестящими красивыми глазами на своего хозяина. У Максима защипало в носу, на глаза стали накатываться слёзы. Он не мог оторвать глаза у игрушки. Не мог!

Тихо подошла мама. Она посмотрела на сына, который сидел на полу и прижимал к груди старого зайца.

– Давай, – мама протянула руку.

Мальчик помотал головой и ещё крепче прижал игрушку к себе.

Мама присела рядышком. Обняла Максима за плечи.

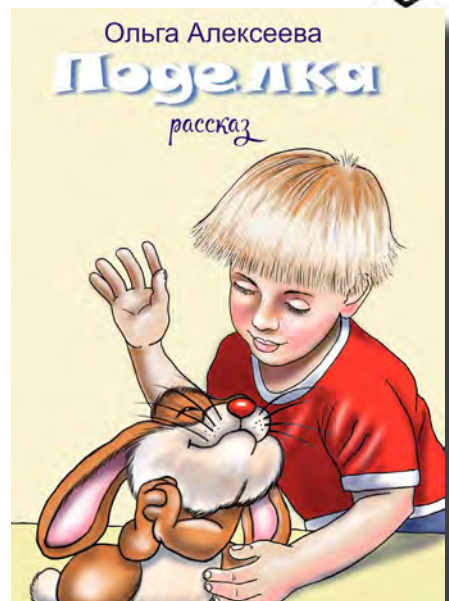
– Давай своего зайца. Я ему ухо пришью. А глаза птенцу всё же сделаем из пуговиц. Мы сами виноваты в том, что забросили зайца в кладовку.

– Да, мамочка, он же не виноват, что стал стареньким, потёртым.

– Конечно, – улыбнулась мама. – Мы с тобой умываемся, стираем одежду, вытираем пыль. А игрушки? За ними тоже должен быть уход. Вот и начнём с зайца.

Утром Максимка собирался в школу. В школьном рюкзаке лежала поделка. Это был очень смешной птенец, сделанный из шишек и пеньковой верёвки. На голове у птенца была полосатая шапочка, и он смотрел удивительными пуговичными глазами.

А на кровати Максима сидел заяц. У зайца было новое красивое ухо и голубой бант на шее.

Обложка к книге Александра Северина

Весна

Глупая природа прозвала лес –
Вырубил деревья человек бес.

В вырубке захлавленной, приподняв сучок,
Лезет ближе к небу молодой сморчок.

На краю деревни, где звенит ручей,
Прочищает глотку шустрый соловей.

На лугу зелёном лужа разлилась,
Хрюкает лягушка, в луже хоронясь.

Жёлтая купава, будто бы коза,
Броско-жёлтым цветом прыгает в глаза.

Вдоль деревни запаха разливает дым
Белая черёмуха парам молодым.

Молодая дачница слезла с тишины,
Мутит кромку озера, закатав штаны.

Курит папиросу отставной майор,
Страхивая пепел прямо на ковёр.

Смотрит он в окошко, видит сквозь туман,
К дачнице подходит инженер Роман.

Обнимает дачницу дачник инженер.
Ловит сетью рыбу местный браконьер.

Молодая дачница песню завела.
У столба собака лапу подняла.

За окном майора прелести весны.
За спиной сутулой тихий храп жены.

Раздевает мысленно, клонит на ковёр
Молодую дачницу пожилой майор.

Ну, а за деревней, где звенит ручей,
Прочищает глотку ухарь соловей.

Владимир Озерянский,
г. Осташков

НЕВИДИМАЯ НИТЬ

Алина Рязанова,
г. Андреаполь

Они встретились в начале весны. Именно тогда, когда на земле все обретало краски и возвращалось к жизни. Им необходимо было это дыхание обреченной любви.

Она уже немолода, как модно говорить – женщина бальзаковского возраста. С потрясающими зелеными, словно два изумруда, глазами, и нестандартной красотой. Возраст, конечно, оставил свой отпечаток. Годы выдавал усталый взгляд человека,

пережившего уже слишком много, но сохранившего жизнелюбие и желание быть счастливой.

Он почти на два поколения моложе. Этот парень не мог в себя не влюбить. Его очарование – скромность и стеснительность. И странные глаза: две миндалины, цвета темного шоколада, наполненные вселенской тоской и множественными вопросами к жизни.

Первая их встреча произошла так же, как первый весенний дождь. Она, как очищающий дождь, смывала с их душ всю грязь обид и разочарований. Словно магнитом их тянуло друг к другу. Каждая встреча – это новая страница в их жизни. Она, уже знающая, что такое боль и разочарование, и он, такой милый, с отпечатком грусти на лице. Но, когда он улыбался, с ним для нее улыбался весь мир.

Причин любить его еще сильнее было все более. Она одарила его всем своим теплом, заботой, опытом, пониманием. Он, словно волшебная шкатулка, все это складывал, чтобы никогда не растерять свои бесценные сокровища. Она готовила ему теплый, вкусный ужин. Всегда безумно красиво выглядела и никогда не вспоминала о муже, предавшем ее еще много лет назад.

Встреча за встречей, они растворялись друг в друге. Иногда вечерами они любили слушать одну песню. В том мотиве было всё: и грусть, и тоска, и печаль, и безграничная благодарность небу за эти минуты. Она ушла от реальности и боялась мысли, что все оборвется. Страх этот обжигал.

Бог милостив к любящим, и все продолжалось, все как скорый поезд шло вперед. Их минуты вместе, как эта весна, становились все теплее и ярче. Он рос с ней духовно, а она, подобно цветку, раскрывалась в его руках. Им не было дела до разницы в возрасте, которая со стороны казалась пропастью. Это было простое человеческое счастье.

Он обязательно повзрослеет, обретет семью. Она всегда будет благодарна этому неземному юноше за все подаренные ей моменты. За то, как они гуляли под луной, и она словно окунулась в бездну своей юности, когда он на нее, всю такую озябшую, накинул свою куртку, когда говорил слова любви, глядя в ее глаза, в которых были слезы.

Она вернется к рутине бытовых дел и в молитвах будет просить здоровья этому чудному мальчику. Но между ними никогда не оборвется та невидимая нить, которая связывает души людей навсегда.

КАК ВАСЯ КОРОВУ СПАС

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался. Вася сидел на кухне, спиной к окну и пил чай из большой чашки с красными цветочками. Он вспоминал сказку, которую мама рассказала накануне вечером. Сказка была интересная, про сестрицу Алёнушку и непослушного братца Иванушку. То, что дождик закончился, мальчик и не заметил. Старшая сестра Света забежала с терраски в дом и крикнула:

– Вася, там коров гонят!

У пятилетнего Васи, как и у всех в большой дружной семье, были свои обязанности. Одна из них – встречать по вечерам корову из стада и загонять её в хлев. Мальчик выскочил из-за стола и, на ходу обув сандалии, выбежал из дома. Дом стоял на окраине деревни. Вася схватил приготовленный заранее кнут и побежал навстречу стаду. Оно уже подходило к деревне. Впереди, как обычно шли бараны, овцы и козы, за ними – неторопливо коровы и телята. Сзади вразвалочку шёл пастух. Женщины весёлой стайкой встречали свою скотинку.

Кнут у Васи был настоящий. Его сделали взрослые мужики, они же научили мальчишку и хлопать им. Хлопок получался звонкий, как у настоящего пастуха. Заслышав его, любая корова сразу становилась послушной.

После дождя на дороге были большие лужи, Вася оббегал их, чтобы не намочить ноги. Ведь если сандалии будут мокрые и грязные – мама непременно заругается. Свою корову Вася видел издали, она выделялась из общего стада, где все коровы были рыже-белыми, а она одна – чёрная с белым пятнышком на лбу. Вася почти добежал до женщины, когда увидел, что его корова свернула в сторону большой лужи и собралась пить из неё воду. Вася внезапно вспомнил вчерашнюю сказку, и ему стало страшно. А вдруг...

– Красуля, – отчаянно закричал он, звонко хлопая кнутом, – Красуля, не пей из лужицы, – козлёночком станешь!

Услышав знакомый голос и хлопок кнута, корова подняла голову и покорно отошла от лужи. Женщины захохотали, а Вася, не обращая ни на кого внимания, подбежал к Красуле. Он похлопал её ладошкой по теплomu сырому боку и нарочито грубо сказал:

– Домой пошли, там напѣшься, ишь ты какая.

И они пошли домой, а позади них не умолкал хохот.

Вечером, когда детей уже отправили спать, пришла соседка тѣтя Надя, они сидели с мамой на кухне, пили чай и о чём-то смеялись. Потом с работы пришѣл папа и

Наталья Ковалева

г. Нелидово

тоже смеялся с ними вместе, а Вася лежал в постели и думал: «Вот сидят там и смеются, и даже не знают, что у нас чуть беда не случилась. Это хорошо, что я сегодня Красулю нашу спас, не дал ей из лужицы напиться. А то стала бы козлёнком и никакого молока у нас не было. Нет, всё-таки я молодец!» — и он уснул, гордый собой, с чувством выполненного долга.

ДИНКИН СКЛЕРОЗ

Динкин телефон зазвонил в семнадцать часов тридцать восемь минут

– Алё, Динуль, привет! – раздался в трубке весёлый мамин голос. – Я уже отработала и еду домой. Минут через двадцать буду. Надеюсь, ты не забыла про котлеты?..

Динка обомлела. Котлеты! Котлеты!! Как же она могла про них забыть?! Ведь мама, уходя на работу, дважды напомнила ей о том, чтобы она разморозила к ужину котлеты! Динка почувствовала, как у неё в животе взлетели и принялись порхать большие холодные бабочки.

– Да, мама... – сказала она в трубку. – То есть, нет... Ну, это... не забыла. Разморозила.

– Ну вот и умничка! – сказал мамин голос. – Папа только что мне отзвонился, он уже тоже едет домой. Так что можешь накрывать на стол...

Динка отключила телефон и заметалась. Что делать?!.. Что делать?!.. Двадцать минут! Всего двадцать минут!

Она кинулась на кухню и, распахнув холодильник, вытащила из морозилки тарелку с котлетами. Это были не котлеты. Это был большой котлетный камень, к тому же намертво примороженный к тарелке. Динка чуть не расплакалась. Ну как она могла забыть?! Как?! Она ведь помнила про них. Помнила! Она несколько раз в течение дня про них вспоминала. Но после обеда пришли Сева и Машка с Дашкой и они сели играть в «Морской бой». И все котлеты разом вылетели у Динки из головы. Ну как же так?!.. Нет, не иначе, это склероз! Папа всегда, если что-то забывал, стучал себя кулаком по темечку и, длинно раскатывая букву «р», произносил: «Пр-роклятая старость! Пр-роклятый склероз!» Динка совсем не чувствовала себя старой, но, наверное, у неё был какой-то особенный организм и склероз начал зарождаться в ней очень рано. Недаром ведь мама всегда говорила, что Динка очень похожа на бабу Нюру.

– Пр-роклятая старость! – вслух сказала Динка и постучала себя по темечку. – Пр-роклятый склероз!

Её собственный голос, одиноко прозвучавший в пустой кухне, напомнил ей о том, что она одна и что помощи ждать неоткуда. А времени остава-

лось всё меньше. Склероз склерозом, а делать что-то было надо. Надо было действовать!

Динка проглотила подступившие к горлу слёзы, мысленно прикрикнула на ледяных бабочек в животе и попыталась придумать какой-нибудь план. Для начала необходимо было отделить котлеты от тарелки. Динкин взгляд упал на плиту. Да! То, что надо! Динка зажгла газ на полную и сунула тарелку на огонь. «Тинь!» – сказала тарелка и треснула пополам. Динка обомлела повторно и быстро выключила газ. Теперь у неё была чистая половинка тарелки и всё тот же котлетный камень, примороженный ко второй тарелочной половине.

– Мамочка! – громко сказала Динка, но тут же взяла себя в руки – мама не поможет. Сама! Только сама!

Она выскочила в коридор и тут же вернулась, держа в руке молоток. Тарелку уже не вернуть, а котлеты от неё отделить всё равно надо. Динка положила котлетный булыжник на стол так, чтобы половинка тарелки была сверху, взяла молоток двумя руками и прицелилась.

Трах! Половина тарелки распалась ещё на две половинки... Трах! От котлет отлепился ещё один тарелочный кусок... Трах!.. Трах!.. Есть! Готово! Осколки – в ведро! Так. Что теперь делать с этой котлетной глыбой?!

Динка сунула котлетный камень в раковину и пустила горячую воду. Быстрей!.. Быстрей!.. Но камень не спешил таять. Вода ручьями стекала с него и, журча, убегала из раковины. Динка нашла пробку и заткнула слив. А потом взяла большую ложку и принялась ковырять ею котлетный булыжник.

Через пять минут от булыжника ничего не осталось. В раковине теперь плавали бесформенные комки котлетного фарша. Динка, вся мокрая от поднимающегося над раковиной пара, взяла дуршлаг и принялась вылавливать их из образовавшегося в раковине котлетного бульона.

Котлеты были разморожены. Но они перестали быть котлетами! Теперь на столе возле раковины лежал фарш. Большая куча мокрого котлетного фарша.

Слепить! Их надо слепить заново!

Владимир Юринов

г. Андреаполь

Динка знала, как надо лепить котлеты. Она не раз помогала на кухне маме. Динка достала большую разделочную доску и принялась за дело. Но фарш, напившись водой, лепиться никак не желал. Он прилипал к чему угодно – к рукам, к разделочной доске, к платью, но во второй раз изображать из себя котлеты не хотел ни в какую! Динка даже слегка разозлилась. Ну, ничего, голубчик! Сейчас ты у меня слепишься, как миленький!

Динка достала банку с мукой, открыла её и от души сыпанула на доску. Ну, а теперь как?.. То-то же! Лепишься!.. Лепишься, родной!

Через минуту на доске лежали восемь немножко неровных, но вполне похожих на мамин, котлет. Правда, форму они всё равно держать не хотели. Расплылись. Растекались по доске, выпуская из-под себя маленькие мутные лужи. Можно было, конечно, добавить ещё муки и всё перелепить по новой, но Динка понимала, что слишком много муки – это тоже плохо. Заметят! Вон, котлеты и так уже слегка посветтели.

Динка посмотрела на часы. Семнадцать пятьдесят три. До прихода мамы минут пять-семь. Ну, от силы, десять!.. А что, если?!

Динка распахнула холодильник, засунула доску с котлетами в морозилку

Весеннее

Давай вдыхать с тобой весну:
Сосновым бором наслаждаться,
Гулять в Бобровецком лесу
И, как подростки, целоваться.

Вдыхать манящий у воды
Апрельский, свежий, чистый воздух,
Дух приозерной красоты,
Что матушкой-природой создан.

С тобой, чьи мысли так близки,
Пройдём по узенькой тропинке,
Рассмотрим, стоя у сосны,
Пейзажа дивные картинки.

Весну, что дарит нам тепло,
Мы с распростёртыми встречаем!
Пока не жарко нам ещё –
Согреемся горячим чаем.

*Юлия Алексеева,
г. Андреаполь*

Командир

На 9 Мая он не был в Москве,
Не сумел он обнять дорогих пехотинцев.
И тревожные мысли в седой голове:
Как бы их повидать напоследок?
Проститься...

Подкачало здоровьишко: сил больше нет
И давление что-то совсем не спадает...
Подойти бы к окну, – посмотреть белый свет, –
Врач вставать запретил, никуда не пускает.

Медсестра молодая, глазёнки блестят.
Из окна – сладким облаком – запах сирени.
И лежит молчаливо на койке солдат,
И мелькают в сознании годы, как тени.

Собирались друзья без него в этот раз?
Получив телеграммы, приедут, кто сможет.
И отдаст командир свой последний приказ,
Осознав, что болезнь победить невозможно.

А потом пехотинцы помянут его:
Без красивых речей, по-мужски, как на фронте.
И в свой маленький храм не возьмут никого,
Вы не лезьте к ним в душу сейчас и не троньте.

На 9 Мая он не был в Москве,
Не сумел он обнять дорогих пехотинцев.
Небольшой обелиск серебрится в траве,
И поют соловьи, эти майские птицы.

*Геннадий Ильин
г. Нелидово*

и включила максимальный режим.
Холодильник щёлкнул и тихонько заурчал.

Динка оглядела кухню. Ой-ёй-ёй! В раковине – бульон. На столе – следы фарша. И повсюду – мука. Динка кинулась наводить порядок...

В восемнадцать ноль-ноль она достала котлеты из морозилки. Котлеты были, как котлеты. Они отлично держали форму, вот только сверху были покрыты тонким слоем инея. Но это уже была ерунда! Это уже были мелочи! Динка соображала теперь быстро и чётко. Она метнулась в ванную и через несколько секунд уже стояла у стола, отогревая котлеты маминым феном...

В восемнадцать ноль три щёлкнул замок и мамин голос возвестил из прихожей:

– Динка! Я дома!..

Динка, поспешила в коридор, по пути незаметно вернув фен на место.

– Привет!.. – мама, холодными с мороза губами поцеловала Динку в щёку. – Ну что, накрыла на стол?

– Мам, – виновато сказала Динка, – я тарелку разбила.

– Опять? Ну, что ж ты так, неаккуратно?

– Я нечаянно.

– Ну, ничего, бывает, – мама погладила дочь по голове. – Не расстраивайся... Так ты накрыла на стол?

В этот момент дверь распахнулась и на пороге возник папа.

– Ну вот, – сказал папа. – Я тоже дома... О! Чувствую, котлетами пахнет! Никак наша доча приготовила ужин и уже накрыла на стол?

– Пап, – сказала Динка, – а я тарелку разбила.

– Опять? – удивился папа. – Да ты у нас чемпион по тарелочкам! Ты хоть сказала «На счастье!»?

– Нет.

– Ну что ж ты так? – огорчился папа. – Надо было сказать. Всегда, когда что-нибудь разбиваешь, надо сразу же говорить: «На счастье!». Чтобы разбитое зря не пропадало.

– А ты, когда машину побил, успел сказать: «На счастье!»? – спросила

папу мама.

– Я бы попросил!.. – сказал папа. – Что за дом?! Чуть что – сразу переходят на личности!.. Ты мне лучше скажи, где мои тапки?!..

Пока мама с папой, шутиливо переругиваясь, переодевались и мыли руки, Динка успела накрыть на стол и разогреть котлеты в сковородке, тщательно закопав их в картофельном пюре.

Оставался ещё один критический момент – ужин.

Но за столом всё пошло как нельзя лучше. Мама, сказав, что она решила худеть, и что после шести она теперь не ест, наложила себе на тарелку только салат. А папа, как всегда, орудовал вилкой, о чём-то весело рассказывая и даже не глядя на то, что отправляет в рот.

– Вкусно! – сказал папа, и протянул маме пустую тарелку. – Очень вкусно! Добавка есть?

Динка осторожно выдохнула...

Вечером Динка и папа сидели в зале. Папа читал, а Динка смотрела кино. Ей захотелось пересмотреть третью серию «Пиратов Карибского моря». Мама, заявив, что у неё сегодня «спа-процедуры», вот уже целый час плескалась в ванной.

В тот самый момент, когда выросшая в великаншу Калипсо закрутила в море водоворот и два корабля сошлись в бою на краю гигантской воронки, в комнату, держа в руках фен, вошла мама. На её голове было накрычено полотенце.

– Динуль, – сказала мама, вертя в руках фен, – а я не поняла, почему это мой фен весь в фарше?

Папа поднял голову от книги.

– Точно! – сказал он и хлопнул себя ладонью по лбу. – А я-то думаю – чем это у меня молоток измазан? Весь в чём-то жирном и, главное, луком пахнет! Это же котлетный фарш!

Папа с мамой посмотрели на Динку. Динка почувствовала, как у неё предательски загорелись уши.

– Дина, дочь моя, – сказал папа и отложил книгу в сторону, – а ты ничего не хочешь нам рассказать?..

КОГДА СМЕЮТСЯ КИСТЬ И КАРАНДАШ

Светлана Большенкова

Года три назад в нелидовском кафе «Афанасий» состоялась выставка художественных работ Александра Северина. Накануне я взяла у него интервью. Это была наша вторая встреча. В первый раз (задолго до выставки) мы говорили о его бизнесе – Северин один из первых предпринимателей в городе, сделавших ставку не на торговлю, а на производство. Открыл фабрику по изготовлению мебели. Нынче он отошел от дел и полностью отдался любимому занятию, ведь сколько себя помнит Александр, кисти, краски, карандаши были в его жизни всегда. Работал маслом, акрилом, использовал витражные краски. Талант художника развивал в себе самостоятельно. Писал пейзажи, портреты, отдавая предпочтение абстракционизму и сюрреализму, а лет двенадцать назад задумал серию дружеских шаржей. Как только появилось время, приступил к реализации идеи. Первый же карандашный рисунок (изобразил своего знакомого) вызвал положительные отзывы. Александр представил работу на суд зрителей в «Одноклассниках». Работ в альбоме прибавлялось, росло и количество просмотров. Несомненно, популярности художнику добавила и выставка в «Афанасии». Было выставлено пятьдесят работ: шаржи на людей узнаваемых, в том числе депутатов, сотрудников районной администрации, руководителей организаций, предпри-

ятий, активных общественников. Стали поступать заказы. Люди присылали Северину фотографии тех, кого хотели видеть изображенными на бумаге, в дополнение снабжая мастера информацией о пристрастиях прототипа.

Не заставила себя ждать и следующая выставка. На этот раз Северин предстал как разноплановый художник. В городском выставочном центре зрители смогли увидеть и его живописные работы, но отдельный зал был посвящён всё-таки графике: дружеские шаржи (а как без них!), сюжетные картины в сатирическом жанре. Экспозиция, как и предыдущая, вызвала большой интерес у горожан, ведь имя Северина уже было на слуху. Этому способствовала и публикация в «Возрождении края» его новогоднего календаря, в котором художник с таким юмором изобразил самое узнаваемое место в городе – площадь Ленина.

Работы нелидовского художника известны не только его землякам. Они украшают интерьеры домов в российских городах, а некоторые и в Америке. Подытоживая сказанное, замечу: тысячекратно был прав тот, кто сказал однажды, что русская земля богата талантливыми людьми. И Нелидово не исключение. Мне же об этой неоспоримой истине напоминает дружеский шарж на «меня любимую» работы Александра Северина, что висит на стене у меня дома.

Миниатюры

1

Облака – небесные бомжи,
Неспокойные в своем безместье.
Мне б хоть день хотелось так пожить,
Но не на земле, а в поднебесье.

2

Расходятся небесные дороги,
Обочины так чисто голубы,
А колеи из облаков – длинны и строги...
Ах, мне б такие линии судьбы.

3

Ну, вот и я под властью суеты...
Так прозаична жизнь, стяхнуть бы это бремя
И что-нибудь успеть, но нет узды,
Чтоб управлять конём по кличке
Время.

4

От недопониманья бывает часто больно,
Виною относительность законов бытия,
А дело в колокольне, той самой колокольне,
которая по жизни у каждого своя.

*Елена Иванова,
г. Нелидово*

Мелкие грехи

Нехитрый быт. Землицы полгектара.
Горланят спозаранку петухи.
На грядах до сердечного удара
Я зарываю мелкие грехи.
Досадно только - полюбила поздно
Природы деревенской благодать.
Из городской коробки
ночью звездной
Такого неба было не видать.
Там тишины звенящей не услышишь,
Пронзительной, как пенне тетивы.
Здесь желторотых ласточек под крышей
Дороже нету. Суетной молвы
В мой дом не залетают отголоски.
Разрушить все способны (мне ль не знать)
Лишь теста на беременность полоски,
Так подло покрасневшие опять.

*Светлана Большенкова,
г. Нелидово*

Кто тут в поэты вышел... темой?

* * *

Молодость, юность... известно – пора золотая!

Бабочки-строчки повсюду кружатся, порхая.

Я отгоняю, но только назойливей липнут

Бабочки-темы и стройные бабочки-рифмы.

Их не считаю, ленюсь, ничего не пишу. Может, поймаю, небрежно в блокнот положу.

Мимо летят неприметные бабочки-годы,

Кто-то сказал, что стихи уже вышли из моды.

Я-то не верю нисколько, поскольку я знаю:

Строчки и рифмы со мной по дорожке шагают.

Топают рядом. Глядишь, примостились под ручку,

Вот и беру я тогда лист бумаги и ручку.

Только недолго. Уже и тропинка седая Путь проложила тревожный у самого края.

Я не сдаюсь, я бегу, я почти убегаю: Чёрной тропинкой по белой равнине петляю.

Кромка листа... И её обрывается нить. Тему ищу... А должна бы сама придать.

Наталья Иванова,
п. Пено

* * *

Пытаясь умничать в стихах
И рифмы подбирать покруче,
Рассыплю дробью «ох» и «ах»,
Слов изведу ненужных кучу,
Чтобы красотей пустых
Насочинять. О, правый боже,
Даруй мне радостей простых,
В поэты я не вышел рожей.

Фёдор Чибисов,
г. Нелидово

* * *

Выбираю, не рискую,
Тему наугад,
Всё рифмую и рифмую
Что-то не попад.
«Стужа» с «лужей», «рай» с «сараем»
Выстроились в ряд,
Ничего не пропускаю,
Всё пишу подряд.
Напишу, что бредит душу
И на злобу дня.
Ничего, что пишут лучше,
Ну и пусть - фигня!
Отпотею, отрифмуюсь,
Выпущу весь пар.
Не стужуюсь. Загущу я
Творческий пожар.

Елена Корлюкова,
д. Луги,
Андреапольский район

Сонет

Когда поэт несёт какой-то бред,
Зарифмовав невнятную идею,
Его стихи сочтут за ахинею
И наградят усмешками в ответ,

Пусть даже у него авторитет.
Читателю со стороны виднее –
Представить образ, на туман глаза,
Иль видеть образ ясный, словно свет.

Поэзия внутри освещена,
Чужда идеологии эстетства.
Изящный слог – не более чем средство,
Когда передаётся глубина...

Когда отрывок из судьбы чужой
В тот миг переживается тобой.

Николай Скобликов
г. Нелидово

* * *

Поэт – заложник у судьбы,
С душой, зияющей как рана.
И сердцем, чутким до беды,
Ни в чём не терпящем обмана.
В стихах его переплелись
Любовь и боль, печаль и радость,
И рядом в них и смерть, и жизнь,
Как наказание и награда.
Поэту выразить дано,
Что в душах плавится подспудно.

И потому душе его
Так больно, трепетно и трудно.

Людмила Леоненкова,
г. Белый

Sancho Panza Blues

Сижу один, как старый Санчо Панса,
В моей бездонкихотовой глуши.
Стихи пропахли пылью декаданса,
Им всё равно – пиши их, не пиши.
Кому-то слышен голос Провиденья,
А надо мной безжалостный игрун
Лабает блюз про слёзы и паденья,
Пережимая нервы вместо струн.
О, этот блюз, – он ветра солонее!
Его певуче-мельничный мотив
Неясен, словно образ Дульсиней,
И то смятён, то нежен, то строптив...
Идальго пал, и мир стал странно тесен,
Уподоблён пустому шалашу...
Я изорву страницы многих песен,
Но долгий блюз однажды допишу.

Игорь Столяров,
г. Нелидово

* * *

Пара сленговых словечек
не нарушит гладкость речи,
ну куда сейчас без них.
Может быть случится даже,
при таком вот эпатаже
расцветёт безликий стих.
И поэтик современный
без улыбочки надменной
листанёт мою тетрадь.
Ну а мне какое дело.
Угодить я не хотела
молодым и оголтелым.
Но, признаюсь, их химеры,
ломаные их размеры
в кайф и мне, хоть им плевать.

Маргарита Петрова,
г. Андреаполь

* * *

Было время, – на шумный Парнас
уносил меня конь Пегас.
Там теперь на угрюмом плато
бродит сумрачный Конь-в-Пальто.

* * *

Исследовав руды словесной тонны,
на творчество я свой имею взгляд:
есть рукописи те, что не горят.
А также те, которые не тунт.

Владимир Юринов,
г. Андреаполь